

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 115

DOI: 10.17223/1998863X/42/6

С.Б. Куликов

АРГУМЕНТЫ ХАЙДЕГГЕРА ПРОТИВ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВРЕМЕНИ И ИХ КРИТИКА¹

Прояснение оснований аристотелевского подхода к пониманию времени и специфики постаристотелевских исследований позволило раскрыть степень близости классической теории, а также ряда неклассических концепций расхожему или инструментальному представлению времени. Проведен анализ аргументации Хайдеггера против инструментальных способов истолкования времени, восходящих к Аристотелю. Предложены контраргументы, раскрывающие выход идей Аристотеля за пределы инструментализма в понимании времени.

Ключевые слова: время, Аристотель, Кант, Хайдеггер, инструментализм.

Совокупность историко-философских и проблемно-аналитических моментов определила целесообразность соотнесения идей Аристотеля, традиции инструментального истолкования времени, названной Мартином Хайдеггером «расхожим пониманием» [1. С. 469], и онтологической интерпретации времени. Данная процедура позволила выполнить анализ идей Аристотеля и сложившейся традиции истолкования в онтологическом аспекте. Важно было проверить, насколько оправданно возведение инструментальной трактовки времени к «Физике» Аристотеля [2. С. 149], нет ли оснований для расширительного понимания идей древнегреческого классика.

В проблемно-аналитическом отношении представленное исследование вносит вклад в выяснение дополнительных значений времени, в раскрытие степени целесообразности редукции смысла времени к измерению периодов, обуславливающих изменения явлений в мире. Традиционные значения раскрывают исчислимость, соразмерную движению стрелки часов, падению песка, перемещению тени и др. Различаются только масштабы и внутренние характеристики исчислимости. Родственную точку зрения поддерживают Дэвид Босток [3], Урсула Куп [4], Тони Роарк [5], ряд других современных исследователей. Анализ явления «космическая цензура» в разработках Роджера Пенроуза, базирующихся на общей теории относительности, демонстрирует вариант реализации инструментальной философии времени [6]. Впрочем, последнее требует отдельного исследования, дополнительной аргументации. В статье же речь идет не о различиях субстанциального [7] и реляционного [2] пониманий времени. Автора не интересовали и достоинства или недостатки динамической и статической моделей [8]. Решение задачи по описанию данных концепций представлено Юрием Молчановым [9].

¹ Исследование выполнено за счет Российского научного фонда (грант № 15-18-10002).

В настоящей статье традиционное понимание времени соотносится с альтернативным вариантом истолкования, слабо обусловленным измеримостью времени в принципе.

Достижение поставленных целей потребовало прояснения сути инструментального истолкования времени, его современных форм. Обсуждение аргументов в пользу экзистенциально-онтологического понимания времени, предложенного Хайдеггером, обусловило обращение к идеям Иммануила Канта [10] как предшественника хайдеггеровских исследований. Завершающие части статьи посвящены идеям Аристотеля и уточнению пределов, в которых инструментализм в постижении времени исчерпывает смысл этих идей.

Границы измеримости времени в релятивистской механике и проблема единства смысла времени в философии

Идеи Хайдеггера относительно аристотелевской дефиниции времени [1. С. 469–470] открывают возможность редукции многообразных форм представления времени к двум базовым утверждениям, которые формулируются нами так:

- (1) *Время тождественно результатам измерения длительности.*
- (2) *Время тождественно базису бытия.*

Положение (1) выражает расхожий, или инструментальный, смысл времени. Тезис (2) отсылает к фундаментально-онтологическому, или неинструментальному, неизмерительному, значению времени. Соотнесение (1) и (2) в онтологическом плане раскрывает проблемные моменты расхожего понимания времени, истоки которого Хайдеггер обнаруживал в работах Аристотеля. Основополагающая роль Аристотеля для положения (1) обуславливает предположение о косвенной вине древнегреческого классика в проблемах феноменологически «естественного», инструментального описания времени. Но прежде требуется выделить сильные стороны инструментального подхода.

Общая логика развития инструментального понимания времени следующая. В постаристотелевской традиции (периода поздней Античности и вплоть до Нового времени) измеримость времени гарантировала разделение процессов на отрезки, равные моментам, фиксирующим действительное положение дел. Фиксация исходно соотносилась с актуальными характеристиками, характеристиками вида «теперь». Отдельные отрезки времени отождествлялись с чередованием «теперь», формирующим представление о протекании процессов. Время становилось инструментом, который человек применял для упорядочивания процессов в мире. Оно могло пониматься как цикличное или линейное, с субстанциальных или реляционных позиций, оставаясь измеримой, счетной величиной. Воспроизводимость ситуаций «теперь» обеспечивала эффективность инструментального применения времени. Прошлое и будущее лишались самостоятельного значения, подчинялись настоящему. Решалась задача построения прогнозов, которые реализовывались как проекция текущего состояния дел в будущее. Описание прошлого также не вызывало трудностей, выполняясь с поправками на конкретику событий в истории как перенос текущего состояния дел на прошедшие состояния. В общественной истории с Античности до Нового времени это приводило к мифологизации (героизации, демонизации) хода событий, в

естествознании – к господству механицистских моделей природы над эволюционистскими.

В подтверждение выдвинутых положений приведем следующие доводы. Аристотель в «Политике» фактически оперировал образом золотого века, не называя его так, для демонстрации упадка в современной ему эпохе и для описания некоторых правителей как властителей, возрождавших золотой век. Такой властитель «...в глазах своих подданных должен быть не тираном, а домоправителем и царем, не грабителем, а опекуном. ...Неизбежным следствием этого является не только то, что правление тирана будет прекрасным и завидным... но и то, что власть станет долговечнее и, наконец, и сам тиран в своем нравственном облике предстанет человеком либо безусловно склонным к добродетели, либо стоящим на полдороге к ней, человеком не негодным, а негодным только наполовину» [11. С. 565]. В римских источниках идея возвращения Золотого века, зачастую иронически, связывалась с периодами правления Октавиана Августа, Траяна, других императоров. Время служило мерилем для выделения повторяющихся эпох подъема и упадка. Однако небезосновательно и скептическое отношение к неперменной цикличности как основе античных («языческих») представлений о времени, что требует дополнительных исследований, не входящих в число задач этой статьи [12]. В Средние века появились первые периодизации истории, в которых время понималось линейно, а стадии не повторялись. Эсхатологизм христианского мировоззрения, идея жизни в «последние дни», за которыми последует Страшный суд, подвигали авторов объяснять процессы в истории как предпосылки и следствия данного состояния дел. Объяснительной схемой выступала, например, периодизация истории в связи с тринитарным представлением Бога [13]. Выделение эпох и различение их между собой подразумевало использование отрезков времени в качестве меры пройденного пути. Инструментализм в понимании времени обуславливал объяснение прошлого и будущего из перспективы настоящего. В Новое время, вместе с научной революцией процессы получили механицистское описание. Но время и здесь оставалось мерой, безразличной к условным различиям прошлого, настоящего, будущего. Движение материи по законам механики единообразно выполнялось в отдельные промежутки времени. Это открывало перспективы для прогнозов местоположения небесных тел, обнаружения новых небесных тел, на которые влияло движение тел обнаруженных, и выполнения других измерительных процедур.

В конце XIX – первой половине XX в. «чистый» инструментализм в понимании времени перестал удовлетворять исследователей. Проблема времени актуализировалась в полной мере, а полученные тогда результаты сохранили ценность в современных условиях. Естествознание XX в. зафиксировало относительность измерения времени. Альберт Эйнштейн убедительно показал, что при обнаружении двух движущихся объектов и в условиях приближения скорости движения одного объекта к скорости света ($3 \cdot 10^8$ м/с), в зависимости от точки зрения наблюдателя, время либо ускоряется, либо замедляется [14]. Однако речь шла о количестве моментов времени в рамках одного события: движения со скоростью света, движения на досветовых скоростях. Качественные характеристики времени не определялись скоростью движения тела. Время осталось чередованием моментов «теперь», о которых говорил

Аристотель. Видоизменялось представление об универсальной синхронии процессов во Вселенной. Но в онтологическом плане сохранялась тождественность времени «движению стрелки», представлению в образе «часов», результату работы измерительного прибора. Следовательно, оказалась оправданной следующая формулировка положения (1):

(3) Время тождественно результатам измерения длительности, определяющейся частотой, вероятностью событий при скоростях движения тела, близких к скорости света.

Попытки описать время вопреки требованиям естествознания, появившиеся в XX в., включали концепцию Анри Бергсона, в которой время психологическое, «интуитивное» противопоставлялось времени физическому, «научному» [15. С. 58–59, 63–66]. Физическое время в версиях (1) и (3) подразумевало совокупность инвариантных единиц, служащих целям вычисления, насколько некоторая вещь изменилась сама, изменила других или как минимум поменяла свое / чужое положение в пространстве. Время в психологическом смысле, соотносящееся с восприятием субъекта, нельзя было трактовать как совокупность инвариантных единиц. Бергсон, пожалуй, первым в философии XX в. выделил не частичную относительность способов измерения времени, а относительность смысла времени как такового. Однако несмотря на оригинальность идей, смысл времени у Бергсона не выходит за пределы, установленные дефиницией Аристотеля. «Растяжение» или «сжатие» времени для субъекта не опровергает интерпретацию времени как череды исчислимых моментов «теперь». Моменты меняются – сохраняется смысл времени, понятого в виде способов измерения процессов. Поэтому концепцию Бергсона можно сформулировать в таком виде:

(4) Время тождественно результатам измерения длительности, определяющейся частотой, вероятностью событий в поле восприятия субъекта.

Нетрудно увидеть, что значение времени в рамках высказываний (3) и (4) имеет родовое сходство, демонстрируя видовые отличия. Родовое сходство определено включенностью в ряд событий. Видовое отличие обусловлено параметрами движения тела и его субъективными качествами. Тело, лишённое восприятия, не сможет понять, оценить, насколько изменилась частота событий, связанная с его движением, продолжая пассивно претерпевать результаты этих событий.

Развитие инструментальной интерпретации времени привело к корректировке измерительных процедур в естествознании и возникновению идей о многообразии времени в философии. Это обусловило критику инструментализма и раскрыло основания для выдвижения вариантов неинструментальной трактовки времени.

Онтологические аспекты понимания времени у Хайдеггера, Канта и Аристотеля

Полноценное осознание значения времени в представленном выше высказывании (2), не вписывавшегося в расхожее понимание, было достигнуто Хайдеггером, который предложил экзистенциально-горизонтную интерпретацию, полагая, что критикует традицию, восходящую к Аристотелю. Интерпретация в русле тезиса (2) подразумевала критику особого акцента в представлении времени, увиденного инструментом анализа отношений космоса

и человека в Античности, Бога и человека в Средние века, природы и человека в Новое время. Смысл окружающего мира раскрывался в горизонте смысла бытия человека, задающего вопрос о фундаментальных основаниях своего существования. Концепцию Хайдеггера можно выразить следующим образом:

(5) Время тождественно базису бытия, совпадающего с вопрошающим типом бытия сущего.

Легко увидеть, что положение (5) есть уточнение высказывания (2). Хайдеггер выявил, что смысл бытия есть забота, а время есть основа бытия. Онтологически рассуждая, человек всегда чем-то «озабочен», потому что он конечен (смертен), время у него убывает, а не пребывает. Посему нет необходимости вслед за Бергсоном растворять время в субъективной психике (подчеркнем, что данный ход мысли принадлежит автору статьи; у Хайдеггера в аналогичной ситуации речь идет о субъективистском прочтении времени Кантом [1. С. 476]). Время, точнее «временность», остается способом бытия, позволяющим понять целостность форм существования. Поэтому время не следует интерпретировать инструментально как эффект действия измерительного инструмента, счет движущейся стрелки часов, другого подобного устройства. Причем это верно даже и для случаев, когда, как полагал Августин, «измерителем» времени служит человеческая душа [16. С. 680]. Время и временность открывают особые характеристики человеческого бытия. Временность указывает на начало понимания мирового сущего, связанного с присутствием человека в мире. Поэтому не человек измеряет время, но сам открывается как «временное» или даже «временящее» бытие [1. С. 343; 17. S. 441–442].

Дальнейший ход исследования тесно связан с вопросом, насколько в действительности значение времени в рамках высказываний (1) и (2) было связано не только с хайдеггеровскими воззрениями, а и с идеями Аристотеля. Вопрос не лишен актуальности в историко-философском аспекте. Известны соображения о том, что «теория времени Аристотеля находится под глубоким влиянием Платона и проект Аристотеля во многом может быть понят в свете теории Платона» [5. Р. 17]. Уже эти обстоятельства раскрывают причины, по которым затрудняется полное (без остатка) погружение идей Аристотеля в сформировавшуюся постаристотелевскую традицию истолкования времени (от Августина до Гегеля). Обнаруживаются варианты истолкования, при которых древнегреческий классик оказывается не виноват в возникновении указанных выше трудностей. И именно для раскрытия пределов, в которых идеи Аристотеля соотносятся со значением времени в высказывании (1), важно оценить вклад альтернативных точек зрения в формирование подхода к пониманию времени, релевантного его природе. Причем принципиально разобрать не воззрения Августина или Гегеля, в онтологическом плане продолжающих, согласно Хайдеггеру, дело Аристотеля, а затронуть альтернативные точки зрения и соотнести с ними ключевые моменты позиции Аристотеля. По понятным причинам Хайдеггер видел свои исследования наиболее последовательной версией анализа времени, альтернативного постаристотелевской традиции. Но в истории европейской философии выделялся Кант, разработчик философского критицизма, предшественник критики расхожего понимания времени. Хайдеггер считал Канта мыслителем, наме-

тившим пути преодоления расхожего понимания времени, но использовавшим не вполне корректную терминологию и оставшимся под влиянием постаристотелевской традиции.

Кант разводил время в метафизическом и трансцендентальном смыслах [10. С. 84–88]. В метафизическом смысле время отождествлялось с измеримым чередованием событий, следующих друг за другом моментов «одного и того же времени» [Там же. С. 85]. В этом отношении постаристотелевскую интерпретацию времени можно смело назвать метафизической интерпретацией, несмотря на обсуждение Аристотелем проблемы времени в «Физике», а не в «Метафизике». Анализ времени для Аристотеля подчинялся интересам наук о вторичных причинах мироздания, а метафизические исследования составляли вопросы науки о первичных причинах. Возможно, в том числе потому Хайдеггер и полагал, что Аристотель, выявив экзистенциально-онтологический горизонт понимания времени, сам ему не следовал [1. С. 470]. Образ времени как чередования событий друг за другом, который Кант предлагал рассматривать в контексте метафизических изысканий, неизбежно повышал статус проблематики, вводя ее в круг вопросов относительно оснований человеческого познания.

Трансцендентальный аспект понимания времени, как и любое другое трансцендентальное исследование, затрагивающее у Канта принципы возможности для чувственности, рассудка и/или разума в их отношении ко всякому возможному опыту [10. С. 68], приводит к необходимости корректировки понимания времени. Время видится априорной формой внешнего и внутреннего созерцания, независимо от действий субъекта приводящей к идее о следовании одного события за другим. Время, как принцип формирования чувственного опыта, является характеристикой субъекта познания, обладающего чувствами в качестве источника наглядных представлений о мире и о самом себе. Время не относится к вещам, как они есть сами по себе; время – это гарантия того, что наблюдения субъекта, даже если он напрямую не воспринимает вещи, позволят прийти к упорядочиванию вещей по мере их появления, исчезновения.

Первую часть трансцендентального представления времени, как минимум по форме, Хайдеггер был готов поддержать [18. § 9]. Идея времени как основы бытия, пусть и частной, вписывалась в контекст понимания времени в рамках экзистенциальной аналитики присутствия. Но Хайдеггер, понимая время в качестве фундамента человеческого бытия, продолжал утверждать, что время есть характеристика и бытия человека, и любого другого варианта присутствия, задающего вопросы о собственном бытии. Гипотетически такими признаками способен обладать не только человек, но и любое существо, умеющее мыслить. Именно поэтому Хайдеггер критиковал субъективистское понимание времени у Канта, в рамках которого время мыслилось базовой характеристикой выделенного сущего в мире, обладающего способностью к созерцанию. Однако мысль Канта можно понять иначе. Субъект, не имеющий конечной природы и не нуждающийся в созерцании, вполне мог бы обойтись без времени [10. С. 100]. Поэтому время является фундаментом существования как будто не всякого субъекта. Но в разделах «Критики чистого разума», посвященных идеям чистого разума, обсуждаются возможности субъекта, принципиально изолированного от чувственного опыта [10. С. 284–

313]. Разум, оторванный от чувственности, впадает в неизбежные антиномии и не может получать точных эмпирических знаний. Такой разум имеет сугубо нравственное значение, предоставляя идеалы поведения и не предлагая однозначных инструкций по руководству этими идеалами [10. С. 588–593]. Тут важно отметить, что нормативность разума имеет вневременной, неисторический характер. В противоположность этому рассудок в границах аналогий опыта обнаруживает доступ ко времени [Там же. С. 214–220]. Легко увидеть различие типов субъективности на базе идеи времени у Канта, которые можно сформулировать в терминах (2) следующим образом:

(6) Время тождественно базису бытия, совпадающего с субъектным типом бытия сущего.

Очевидно, что значения времени в высказываниях (2) и (6) не тождественны, но сходны по родовому признаку. Поэтому Хайдеггер не вполне точен, говоря об ошибочности связи времени и субъективной сферы у Канта. Время у Канта допускает онтологическое прочтение, не ограничиваясь психологическими вариантами интерпретации. Вместе с тем Хайдеггер вполне прав, считая, что Кант не полностью преодолел границы расхожего понимания, ибо даже в трансцендентальном ключе время остается измерением чередования событий, т.е. вписывается в рамки представлений о совпадении времени и часов (часовых механизмов).

Итак, альтернатива расхожему пониманию времени в работах Канта раскрывает время в виде базиса субъективного познания, а не в значении измерительной процедуры, выполненной с помощью часов или другого похожего устройства. Субъективный характер времени подвержен критике, подразумевающей определение времени как фундамента способов бытия в мире, а не элемента субъективного опыта. Хайдеггер развивал концепцию времени, раскрывающую основы существования в рамках вопрошания о собственном бытии. В этом отношении люди не должны соизмерять действия со временем, а напротив время измеряется по людям, как минимум некоторым из них. Возникает вопрос о невозможности оснований предвосхищения сходных воззрений в рамках идей Аристотеля. Только тогда постаристотелевская традиция истолкования времени исчерпает смысл идей Аристотеля. В противном случае и Кант, и Хайдеггер, равно как и прочие сторонники альтернативных подходов к пониманию времени (например, Ж.-П. Сартр), развивали отдельные аспекты представлений Аристотеля, не усвоенные позднейшей комментаторской традицией.

Полностью ли Аристотель следовал интерпретации времени, которую выводят из его идей? Обнаружение случая «выпадения» идей Аристотеля из рамок расхожего понимания позволит получить однозначный ответ на этот вопрос. В «Физике» демонстрируется как минимум один такой случай. Аристотель усматривает сходство между временем и вариантами складывания речевой практики: «Говорят: «он придет теперь», потому что придет сегодня, «он теперь пришел», потому что пришел сегодня. ... «Когда-то» и «когда-нибудь» мы говорим о времени в тех случаях, когда отделяем его от настоящего. ... «Уже» обозначает часть будущего времени, близкую к настоящему неделимому «теперь». ... «Уже» обозначает также и часть прошедшего времени, не отдаленную от «теперь». ... «Только что» – если время близко к нынешнему «теперь», а «давно» – если оно далеко. «Внезапно» есть то, что вы-

ходит из своего обычного состояния в течение неощутимого по своей малости времени» [2. С. 155]. Нетрудно увидеть, что в этих высказываниях, при том что они представляют перевод древнегреческого текста на русский язык, фиксируется идея о времени как среде, в рамках которой грамматические структуры языка упорядочивают повседневную практику. Время обнаруживается не в виде способа измерения ситуаций появления или отбытия людей, а как сфера, в которой размечается дистанция между говорящим и объектом высказывания. Не важно, кто говорит «он придет тогда-то». Гораздо важнее, что само указание на момент прихода, выраженного в грамматике языка (в оригинале – древнегреческого, в переводе – русского), указывает приходящему некое место в социальном пространстве, очертив горизонт ожидания и раскрыв состояния, в которых адресат сообщения о прибытии или отбытии должен (может) находиться.

Заключение

Проведенное исследование раскрыло неполноту осмысления идей, высказанных Аристотелем, на базе расхожего, инструментального понимания времени, сформулированного в виде высказываний (1), (3) и (4). Согласно Аристотелю время может быть истолковано как сфера, в рамках которой грамматика языка выражает горизонт ожидаемых поступков и состояний, свойственных людям. Поэтому понимание времени Аристотелем вписывается как в контекст высказывания (1), так и в рамки тезиса (2), в версиях (5) и (6). Наряду с очевидной преемственностью идей Аристотеля и инструментального истолкования времени как системы измерения процессов воззрения Аристотеля обнаруживаются предвосхищение альтернативных подходов к пониманию времени. Время соотносится с субъектом высказывания, демонстрируя связь представления времени и экзистенциальных характеристик всякого, кто мыслится включенным в процесс темпоральных изменений.

Литература

1. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003.
2. *Аристотель.* Физика / пер. с древнегреч. В.П. Карпова // Соч. : в 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 59–262.
3. *Bostock D.* Aristotle's Account of Time // Space, Time, Matter, and Form: Essays on Aristotle's Physics. Oxford : Clarendon Press, 2006. P. 136–157.
4. *Cooper U.* Time for Aristotle: Physics IV.10–14. Oxford : Clarendon Press, 2005.
5. *Roark T.* Aristotle on Time: A Study of the Physics. New York : Cambridge University Press, 2011.
6. *Penrose R.* The Question of Cosmic Censorship // Journal of Astrophysics and Astronomy. 1999. Vol. 20, Iss. 3–4. P. 233–248.
7. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / пер. с лат. А.Н. Крылова. М. : Наука, 1989.
8. *Lightman A.* The Accidental Universe: The World You Thought You Knew. New York : Pantheon Books, 2013.
9. *Молчанов Ю.Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М. : Наука, 1977.
10. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского с вар. пер. на рус. и европ. языки. М. : Наука, 1998.
11. *Аристотель.* Политика / пер. с древнегреч. С. Жебелева // Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376–644.
12. *Momigliano A.* Time in Ancient Historiography // History and Theory. 1966. Vol. 6. Beiheft 6: History and the Concept of Time. P. 1–23.

13. Собко Р.В. Богословие как историософская схема: рассуждения о тринитарной концепции Иоахима Флорского // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2011. № 2. С. 110–115.
14. Эйнштейн А. К электродинамике движущихся тел / пер. с нем. под ред. В.К. Фредерикса, Д.Д. Иваненко // Эйнштейн А. Собр. науч. тр. : в 4 т. М., 1965. Т. 1. С. 7–35.
15. Бергсон А. Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна) / пер. с фр. А.А. Франковского. Петербург : Academia, 1923.
16. Августин Аврелий. Исповедь // Творения : в 4 т. Т. 1. : Об истинной религии. С.-Петербург ; Киев, 2000. С. 469–741.
17. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs // Gesamtausgabe. Bd. 20. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979.
18. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / пер. с нем. О.В. Никифорова. М. : Логос, 1997.

Sergey B. Kulikov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 42. pp. 59–69.

DOI: 10.17223/1998863X/42/6

HEIDEGGER'S COUNTERARGUMENTATION TO THE ARISTOTELIAN INTERPRETATION OF TIME AND ITS CRITICISM

Keywords: time; Aristotle; Kant; Heidegger; instrumentalism; nature; human; being.

Clarification of the bases of the Aristotelian approach to the interpretation of time and the specifics of post-Aristotelian studies allowed revealing the degree of the proximity of the classical theory and a number of non-classical concepts to the ordinary or instrumental representation of time. The analysis of Heidegger's counterargumentation to instrumental ways of interpretation of time which goes back to Aristotle is carried out. The counterargumentation shows Aristotle's ideas going beyond instrumentalism in the interpretation of time. The conducted research disclosed the incompleteness of judgment of the ideas stated by Aristotle on the basis of the ordinary or instrumental interpretation of time formulated as statements: (1) time is identical to the results of measurement of duration, (3) time is identical to the results of measurement of duration which is determined by the frequency or probability of events at the speed of a body close to that of light, and (4) time is identical to the results of measurement of duration which is determined by the frequency or probability of events in the perception field of the subject. According to Aristotle, time can be interpreted as a sphere in which the grammar of language expresses the horizon of the expected acts and states peculiar to people. Therefore, Aristotle fits the interpretation of time both into the context of statement (1), and in the framework of the thesis (2) time is identical to the basis of being, in versions (5) time is identical to the basis of being that coincides with the questioning type of being, and (6) time is identical to the basis of being that coincides with the subject type of being. The continuity of Aristotle's ideas and the instrumental interpretation of time as systems of measurement of processes are combined with an anticipation of alternative approaches to the interpretation of time. Time is related to the subject of a statement and shows the connection of representation of time and existential characteristics of anything thought to be included in temporal changes.

References

1. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bikhin. Kharkov: Folio.
2. Aristotle. (1981) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in four vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 59–262.
3. Bostock, D. (2006) *Space, Time, Matter, and Form: Essays on Aristotle's Physics*. Oxford: Clarendon Press. pp. 136–157.
4. Coepe, Ur. (2005) *Time for Aristotle: Physics IV.10–14*. Oxford: Clarendon Press.
5. Roark, T. (2011) *Aristotle on Time: A Study of the Physics*. New York: Cambridge University Press.
6. Penrose, R. (1999) The Question of Cosmic Censorship. *Journal of Astrophysics and Astronomy*. 20(3–4). pp. 233–248. DOI: 10.1007/BF02702355

7. Newton, I. (1989) *Matematicheskie nachala natural'noy filosofii* [Mathematical Principles of Natural Philosophy]. Translated from Latin by A.N. Krylov. Moscow: Nauka.
8. Lightman, A. (2013) *The Accidental Universe: The World You Thought You Knew*. New York: Pantheon Books.
9. Molchanov, Yu.B. (1977) *Chetyre kontseptsii vremeni v filosofii i fizike* [Four concepts of time in philosophy and physics]. Moscow: Nauka.
10. Kant, I. (1998) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German by N.O. Lossky. Moscow: Nauka.
11. Aristotle. (1981) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in four vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 376–644.
12. Momigliano, A. (1966) Time in Ancient Historiography. *History and Theory*. 6(6). pp. 1–23.
13. Sobko, R.V. (2011) Theology as a historical schema: speculations about trinitarian conceptions of Joachim of Flore. *Vestnik MGOU. Seriya: "Filosofskie nauki" – Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences*. 2. pp. 110–115. (In Russian).
14. Einstein, A. (1965) *Sobranie nauchnykh trudov: v 4 t.* [Collection Scientific Papers: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 7–35.
15. Bergson, A. (1923) *Dlitel'nost' i odnovremennost' (po povodu teorii Eynshteyna)* [Duration and Simultaneity (Concerning the Theory of Einstein)]. Translated from French by A.A. Frankovsky. St. Petersburg: Academia.
16. Augustine Aurelius. (2000) *Tvoreniya v 4 tomakh* [Creations in 4 volumes]. Vol. 1. Translated from Latin. St. Petersburg: Aleteyya; Kiev: UTsIMM-Press. pp. 469–741.
17. Heidegger, M. (1979) *Gesamtausgabe* [Selected Works]. Vol. 20. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
18. Heidegger, M. (1997) *Kant i problema metafiziki* [Kant and the Problem of Metaphysics]. Translated from German by O.V. Nikiforov. Moscow: Logos.